DOI: 10.17976/jpps/2023.06.02
EDN: BLAKCJ

ГЛОБАЛЬНЫЙ КОНФЛИКТ: АТРИБУТ МЕНЯЮЩЕГОСЯ МИРОПОРЯДКА ИЛИ УСТАРЕВШИЙ ИНСТРУМЕНТ ЕГО ТРАНСФОРМАЦИИ?

Теме кризиса мирового порядка, нарастания турбулентности и появления контуров "новой реальности" было посвящено заседание Ученого совета Московской школы экономики (МШЭ) МГУ под председательством академика А.Д. Некипелова, состоявшееся 18 мая 2023 г. На нем был представлен совместный доклад чл.-корр. РАН М.Ю. Головнина и профессора В.Б. Кувалдина. После доклада состоялось содержательное обсуждение, в котором приняли участие несколько ведущих отечественных международников. Двум участникам обсуждения – академику ***Владимиру Барановскому*** *и профессору* ***Виктору Кувалдину*** *– это показалось недостаточным, и они решили продолжить разговор с выходом на более широкую аудиторию читателей "Полиса".*

* * *

Виктор Кувалдин. В наших представлениях о динамике существующего миропорядка преобладает ясная и простая картина происходящего: человечество довольно быстро движется от однополярного к многополярному мироустройству. В этом многополярном мире Россия призвана по праву занять место одного из наиболее мощных и влиятельных центров.

Владимир Барановский. Не могу не согласиться с Вашим исходным тезисом – действительно, мало кто возьмется оспаривать тезис о том, что мир становится более многополярным. Хотя правильнее, на мой взгляд, было бы сказать "полицентричным", но вынесем это уточнение за скобки как малосущественное и скорее стилистическое, чем сущностное. А вот каковы исходные параметры указанного движения – здесь, как мне кажется, уже требуются более важные коррективы.

На мой взгляд, распад Советского Союза отнюдь не означал триумфа однополярности. Конечно, с исчезновением в международной системе феномена противостояния двух сверхдержав США оказались в ней наиболее сильным центром – но не демиургом, способным определять все происходящее на планете. Если надежды и иллюзии на этот счет у кого-то и существовали, реальная жизнь развеяла их очень быстро. Так что мир не столько преодолевает однополярность, сколько стано-

вится более многосубъектным. Объективная роль США в нем, конечно, сокращается – но эта нисходящая динамика отнюдь не является их монополией. Вместе с тем не стоит недооценивать сохраняющееся превалирование этой страны во многих сферах развития социума, важное именно в плане влияния на внешний мир. Хотя, последний, несомненно, меняется в направлении мультиполярности / многосубъектности / полицентричности.

В.К. Эта точка зрения получила широкое распространение в отечественной публицистике, но остается в тени академическая основа подобных воззрений. В принципе этой проблематикой прежде всего должна заниматься молодая, но громко заявившая о себе наука – глобалистика. Ведь познание глобального мира, в котором мы все живем, требует задействования арсенала теории глобальных процессов и явлений. Но здесь исследователи сталкиваются с врожденным парадоксом глобалистики: невероятным обилием работ при отсутствии более или менее общепризнанной теории. В отличие от многих других наук она стартовала не с основополагающего комплекса идей, а с бесконечного множества эмпирических исследований разного достоинства. В ней и сегодня трудно выделить какие-то масштабные фигуры, обладающие бесспорным авторитетом. Возможно, это не худшая ситуация для дальнейшего успешного развития науки, но она мало помогает осмыслению современных мировых процессов.

В.Б. Познание закономерностей глобального развития – конечно же, важная и требующая серьезного внимания задача. Значимость ее возрастает по мере того, как обнаруживается все больше оснований рассматривать мир как некий целостный феномен, поскольку самые разнообразные аспекты эволюции социума – затрагивающие производство материальных благ, организацию экономической системы, политическую жизнь, культуру, демографию, экологию, науку, безопасность и т.д. – приобретают глобальное измерение. Но у меня вызывает некоторый скепсис тезис о том, что этим должна заниматься особая наука. Термин “глобалистика”, как мне кажется, скорее уместен для обозначения широкого исследовательского поля, успешно осваиваемого аналитикой по традиционным научным направлениям, когда предметом ее внимания становятся явления и процессы общепланетарного уровня.

А отсутствие общепризнанной теории в области глобалистики, на мой взгляд, не должно вызывать удивления и уж совсем не может считаться ее врожденным изъяном. Наука далеко не всегда получает изначальный импульс от комплекса неких базовых концептуальных представлений об

ее предмете. Наоборот, нормой скорее является обилие эмпирических исследований, результаты которых затем пытаются обобщить, интерпретировать, объяснить в теоретических моделях и построениях. В Древней Греции к мысли о том, что Земля не плоская, пришли на основе наблюдений за появляющимися на морском горизонте судами (сначала можно было увидеть верхушку паруса, и только по мере приближения к берегу вырастал сам корабль). Коперник, создавая свою гелиоцентрическую систему, отталкивался от наблюдений за движением планет, которые не вписывались в модель Птолемея. Стоит напомнить, что современная физическая наука до сих пор не имеет единой теории, которая была бы применима как к микромиру квантового уровня, так и к макромиру расширяющейся Вселенной, порожденной "большим взрывом". Возникает несколько неожиданное сравнение с положением дел в глобалистике, коль скоро она тоже живет и развивается в отсутствие обобщенной теории. И здесь тоже, наверное, настало время для концептуального сведения воедино множества чрезвычайно интересных наблюдений о глобальном мире.

В.К. В поиске пригодных инструментов анализа волей-неволей приходится обращаться к арсеналу других наук. Полагаю, что здесь на помощь может прийти история, особенно история XX в. В ушедшем столетии человечество перешло от одной модели глобального мироустройства к другой, и эта трансформация открывает возможность плодотворных сопоставлений с происходящим сегодня.

Пожалуй, наиболее значимой характеристикой положения дел в современном мире является открытый конфликт России с мгновенно консолидировавшимся Западом. Хотя внешне он принял форму локального российско-украинского вооруженного противоборства, в действительности речь идет о конфликте предельного уровня, который с полным основанием можно квалифицировать как глобальный. Родовым признаком глобального конфликта является постановка в той или иной форме вопроса о глобальной власти. Из шести основных кризисов (конфликтов) холодной войны он в наибольшей степени перекликается с корейской войной (1950-1953 гг.) в сочетании с первым берлинским кризисом (1948-1949 гг.).

Тогда речь шла об определении границ географических ареалов двух общественно-политических систем. Сегодня на кону распределение глобальной власти между ключевыми игроками, контрольных, блокирующих и других крупных пакетов политических акций, о рамках возможностей и ограничительных линиях для каждого из них в различных сферах человеческого бытия.

Такой глобальный конфликт можно назвать конфликтом второй степени. От глобальных конфликтов первой степени он отличается уровнем радикальности. В первостепенных конфликтах речь идет о смене гегемона и модели миропорядка. Таковы были конфликты первой половины XX в., две мировые войны. По-видимому, с появлением внушительных ракетно-ядерных арсеналов они по-прежнему возможны, но абсолютно неприемлемы, поскольку означают самоуничтожение человечества.

В.Б. Здесь возникают уже фундаментальные вопросы концептуального плана, которые применительно к обсуждаемой нами теме нуждаются в прояснении. Что такое *конфликт предельного уровня*? Вероятно, такой, в котором "ставки больше, чем жизнь", и примирение оппонентов невозможно. История, казалось бы, дает основания для такого подхода: войны не раз заканчивались полным поражением одной из сторон. Но все же ее уничтожение (как в случае с нацистским режимом в гитлеровской Германии) – скорее исключение из правил, чем норма. Уж каким вызовом для западного мира стало появление большевистской России, которая открыто провозглашала своей целью мировую революцию и шла на дерзкое нарушение существовавших стандартов международного поведения – но и тогда достаточно быстро произошло формирование некоего *modus operandi*, к неудовольствию (с обеих сторон!) адептов линии на тотальное и бескомпромиссное противоборство по причине абсолютной взаимной враждебности. Нечто аналогичное можно увидеть во второй половине истекшего столетия, когда алгоритмом взаимоотношений двух принципиально антагонистичных систем стал – вместо курса на уничтожение друг друга – симбиоз мирного сосуществования, продвигаемого Москвой, и *Realpolitik* в действиях Вашингтона как выразителя воли "коллективного Запада".

В.К. Полагаю, что для более глубокого проникновения в суть происходящего нам стоит пристальнее вглядываться и сравнивать день нынешний и день минувший. Сто лет назад в мире разворачивалась грандиозная драма в нескольких актах, которую я в своем университетском курсе определяю как переход от либерально-колониальной модели миропорядка к дирижистско-интеграционной. Либерально-колониальный миропорядок, давший миру феноменальные плоды блистательной буржуазной цивилизации XIX в., в начале XX-го века быстро вошел в углубляющийся кризис по трем направлениям. Во-первых, борьба за мировую гегемонию между Великобританией и Германией – в открытой форме, и между Великобританией и Соединенными Штатами – в скрытом виде. Во-вторых, противостояние труда и капитала, которое в некоторых развитых странах (Франция, Германия) приобрело весьма острый характер. В-третьих, тлеющий конфликт небольших империалистиче-

ских метрополий Западной Европы с необъятной колониальной периферией, который обнажила Первая мировая война.

Важнейшей характеристикой этой действительно судьбоносной схватки был ее квазирелигиозный характер. Столкновение таких массовых идеологий, как либерализм, марксизм, национализм с их мощным мобилизационным потенциалом недаром окрестили “войной вер”. По силе эмоций, накалу страстей они действительно напоминали религиозные войны.

Изобиловавший кризисами переход от одной модели глобального мира к другой растянулся на три десятилетия (1914-1945 гг.), которые справедливо нарекли “эпохой катастроф”. Она вместила в себя две мировые войны, один, но Великий кризис 1929-1933 гг. и Великую депрессию 1930-х годов. Человеческие жертвы и материальные разрушения того периода не знают равных в мировой истории.

В сегодняшнем мире мы можем без труда разглядеть три несколько трансформировавшихся, но по сути аналогичных конфликта. И добавить к ним еще два такого же, если не большего масштаба: 1) конфликт человека с природой; 2) зияющую пропасть между уровнем нравственного развития (деградации) человечества и его техническими достижениями.

В.Б. Вот какая вырисовывается картина, если попытаться обобщить и продолжить Ваши размышления касательно конфликтности в глобальном мире. Ее генерируют – если отталкиваться от предложенной классификации, несколько модифицируя ее, – проблемы и противоречия, возникающие по нескольким направлениям. Обозначим их ключевыми словами: (а) гегемония; (б) центр – периферия; (в) социальная напряженность / труд – капитал; (г) человек – природа; (д) нравственность. Из перечисленных пяти кластеров первые два касаются организации международной системы, тогда как остальные – возможно, более фундаментальные – носят экзистенциальный характер, затрагивая принципиальные основы бытия социума, его развития. Противопоставлять эти две группы вызовов друг другу, вероятно, не стоит, но принимать во внимание их специфику, на мой взгляд, необходимо.

Споры о том, как “обустроить” человеческое общество, ведутся на протяжении всего его существования. В этом суть политического процесса, насыщенного самыми разнообразными коллизиями, которые время от времени приводят к острым пертурбациям. Судя по историческому опыту, к приведенному проблемному перечню может быть добавлено немало иных

конфликтно-генерирующих тем (в их ряду межэтнические отношения, религиозно-конфессиональные противоречия и т.п.). Некоторые из них чреваты опасными международными "выбросами".

Но особенность конфликтов в международной системе обусловлена прежде всего тем, что их главные действующие лица – государства. Если вся стоящая за ними мощь оказывается приведенной в движение, это придает международному конфликту особую опасность. В условиях повышенной напряженности его детонатором может стать любая случайность, если есть почва для драматического срыва. Согласен, сегодня два главных стержня конфликтности на международном уровне возникают, во-первых, вокруг вопроса о претензиях и возможностях играть особую роль в международной системе, и во-вторых, в связи с усугубляющимися в ней проблемами центр-периферийных отношений.

В.К. Чудовищный разрушительный потенциал силовых методов разрешения глобальных противоречий и конфликтов требует использования альтернативного инструментария. Он ведь тоже отрабатывался и с успехом применялся на протяжении всей истории человечества, пусть в более скромных масштабах. Есть и обнадеживающий прецедент: завершение холодной войны боевой ничьей.

Тем более что существующее положение, возможно, не столь драматично, как у наших совсем не далеких предшественников. В отличие от холодной войны сегодняшнее лобовое противостояние великих держав вряд ли можно назвать борьбой альтернатив, "войной вер". В этом смысле попытки подставить на место различных общественно-политических систем демократические и автократические режимы выглядят слегка натянутыми. В центре конфликта власть и собственность, но не системы ценностей. Это делает их не столь непримиримыми и разрушительными, облегчает поиск компромиссов и договоренностей.

В.Б. Мне кажется интересной мысль о том, чтобы считать *первостепенными* глобальными конфликтами такие, в которых речь идет о смене гегемона и модели миропорядка. Правда, обе мировые войны в XX веке, на мой взгляд, возникли по иным основаниям. Итоги и той, и другой, наверное, могут в какой-то мере интерпретироваться именно указанным образом – что, впрочем, тоже достаточно спорно. А вот рассматривать под этим углом зрения "большой конфликт", очерчиваемый во второй половине столетия по лекалам противостояния социализм – капитализм, Восток – Запад, СССР – США, представляется совершенно правомерным.

Изначально это было столкновение альтернатив – по системам ценностей, представлениям об организации общества, видению миропорядка. Но фактор ракетно-ядерного оружия сделал невозможным разрешение возникшей на данной почве дихотомии силовым путем. С переходом в фазу позиционного маневрирования конфронтация постепенно начинала сочетаться с конструктивным взаимодействием противоборствующих сторон. Конфликт завершился саморазрушением одной из них, неожиданным для обоих оппонентов.

Согласен, что конфликт по линии "Россия – коллективный Запад", возникший и продолжающий разворачиваться на наши глазах, носит иной характер. Но я сделал бы здесь некоторые осторожные уточнения. Да, в центре этого конфликта не борьба альтернатив, а вопросы власти и собственности. Власть (имеется в виду глобальный контекст) – это о возможности влиять на внешний мир политически: определять правила его функционирования, рекрутировать своих союзников, сторонников и клиентов. Собственность – это о ресурсах (прежде всего экономических, финансовых, но также и иных): об обладании ими, контроле за их распределением и перемещением. И в сущности, это содержательная сторона любого традиционного конфликта на международной арене.

Считать ли особенностью нынешнего его широкий геополитический ареал по кругу участников и значительные масштабы их взаимного противодействия? Не уверен – с таким положением дел международная система уже сталкивалась в эпоху холодной войны. Кое в чем конфронтация тогда носила даже более жесткий характер, а иногда выходила на опасную грань ракетно-ядерного столкновения (как во время Карибского кризиса). Сейчас мы такого не наблюдаем, хотя иногда и возникают безответственные риторические рулады на тему ядерного фактора.

Возможно, наличие некоторых ценностных аспектов в конфликте (демократия *vs* автократия) все-таки стоит иметь в виду. Они, правда, не всегда выглядят находящимися на переднем плане. Но не будем забывать, что цивилизационные характеристики международно-политического развития сегодня рассматриваются как приобретающие все большее значение – а это ведь, в числе прочего, касается и различий ценностного характера. Станут ли конфликты именно по этой причине более бескомпромиссными? На мой взгляд, очень многое будет зависеть от способности международной системы абсорбировать такие различия и канализировать возникающие на этой почве проблемы в русло поиска взаимоприемлемых подходов. Либо в рамках международного права, либо – да простят мне такое посягательство на устои

официального внешнеполитического дискурса – через формирование пусть не кодифицированных, но соблюдаемых *де факто* "правил поведения" на мировой арене.

В.К. Конфликты сегодняшнего дня разворачиваются в кардинально изменившейся среде. Принципиально новой системой координат человеческой деятельности является киберпространство. Взаимодействуя и амальгамируя с привычной физической средой, оно создает неизведанный контекст геополитических баталий. Его значимость на глобальном уровне особенно велика, поскольку именно здесь кибертехнологии способны развернуться во всю свою исполинскую мощь.

В.Б. Я бы добавил, что речь должна идти не только о кибертехнологиях, но и вообще о возникновении новых сфер, пространств, измерений функционирования социума по мере дальнейшего развития науки и техники. Пример – еще более завораживающие (и далеко не совсем ясные) перспективы искусственного интеллекта. Это особая тема, очень большая и, строго говоря, не связанная напрямую с текущим конфликтом Россия – Запад. Но понятно, что она неизбежно затронет сферу международных отношений, включая и рассматриваемую нами глобальную проблематику. И не очень понятно, какие могут возникать на этой почве конфликты – или, напротив, каковы возможности их минимизации?

В.К. В сегодняшнем глобальном конфликте явственно различимы две основные линии противоречий: 1) не географический, "коллективный Запад" – Восток (гегемон против ревизионистских держав); 2) Запад – не-Запад (развитые против развивающихся). Можно отметить феномен раздвоенных игроков, таких, как Япония, азиатская держава, давно и прочно прописавшаяся в западном лагере. Или Россия, порождение европейской цивилизации, оказавшаяся на острие антизападничества.

В настоящее время трудно сказать с полной определенностью, куда движется мир. Наиболее вероятным следствием нынешнего глобального конфликта представляется прогрессирующий отход от однополярности в сторону какого-то гибридного мироустройства, не имеющего аналогов в прошлом. В этом гибридном миропорядке будут гибко, подвижно сочетаться носители и характеристики однополярности (США, "коллективный Запад"), биполярности (США – Китай) и многополярности (другие великие и региональные державы, развивающиеся страны).

Разумеется, геополитический вес различных компонентов и соответственно общий абрис всей конструкции будут подвижны и изменчивы. Возможно, именно таким образом пойдет движение от однополярного к многополярному миру, что сделает его траекторию более сложной и противоречивой. Конечно, возможны другие варианты.

По сравнению с периодом холодной войны в корне меняется роль развивающихся стран, бывшего третьего мира. Резко выросло их значение в мировой экономике и политике. Полностью изменилось их отношение к сильным мира сего. На место стратегии неприсоединения по принципу "чума на оба ваших дома" пришла политика активного сотрудничества по всем азимутам, когда налаживаются и развиваются связи со всеми перспективными партнерами независимо от их геополитической ориентации. Прагматизм во внешнеполитических взаимодействиях с упором на экономическую эффективность делает развивающиеся страны полноценными участниками процесса определения контуров и правил игры глобального мира XXI в.

В.Б. При анализе конфликтности как глобального феномена современного мира мне представляется совершенно логичной предлагаемая Вами сфокусированность на нескольких главных ее источниках. Это, во-первых, противоречия между странами *status quo* (которых удовлетворяет существующая международная система и их место в ее внутренней иерархии) и странами-*ревизионистами* (которые хотят перемен). Во-вторых, то, что традиционно обозначалось как отставание развивающихся стран от развитых, но, наверное, требует более широкой трактовки – как *растущий разрыв* между странами по (а) уровню экономического благосостояния, (б) обеспеченности ресурсами и возможностям их освоения, (в) удовлетворению потребностей населения, (г) способности к поддержанию социальной стабильности, (д) приобщенности к современным научно-техническим достижениям и т.п. И в-третьих, я добавил бы к этому перечню *меняющуюся конфигурацию международной системы*, прежде всего учитывая обновление состава ее ядра, стремительное возвышение Китая (и назревающее – Индии), заметную активизацию ряда стран, которые до недавнего времени находились на вторых ролях, эрозию фактора консолидации в структурах блокового типа, повышение роли региональных императивов внешнеполитического поведения.

В.К. Сразу же возникает вопрос: насколько устойчива модель гибридного миропорядка? На него с достаточным основанием можно дать два диаметрально противоположных ответа. Первый: неустойчива как все гибридные модели, носит переходный характер. Второй: устойчива, поскольку откры-

вает более широкие, чем однополярная и биполярная, возможности самоутверждения для многих – больших, средних, малых. Дополнительный запас прочности придает ее гибкость: она допускает значительные изменения удельного веса разных компонентов, их переформатирование, различные комбинации их взаимоотношений.

В.Б. Это наблюдение представляется очень точным: гибкость международной системы есть залог ее прочности. Поскольку расширяет ее адаптационные возможности, снижает угрозу перенапряжения, позволяет более эффективно реагировать на новые вызовы, а также – *last but not least* – для все большего числа государств привлекательна в плане их самоутверждения (или хотя бы обозначения их присутствия) на международной арене.

В.К. Трансформация модели миропорядка имеет общесистемное значение, проецируется на все сферы человеческой деятельности. Попробуем рассмотреть ее возможное воздействие на такую ключевую сферу мировой политики как глобальная экономика. В данном случае под ней понимается определенный класс хозяйственных отношений, состоящий из трех взаимосвязанных уровней: планетарного (великие и региональные державы, крупнейшие ТНК и глобальные банки), трансрегионального (АТЭС), макрорегионального (ЕС, АСЕАН). Логично предположить, что для глобального кризиса подобного сегодняшнему наиболее уязвим планетарный уровень, а наиболее устойчив – макрорегиональный.

В самом деле, ведь, казалось бы, именно общее состояние мировой экономики вызывает наибольшие опасения. Однако ничего подобного Великой депрессии 1930-х годов, когда тоже разворачивался переход от одного миропорядка к другому, нет и в помине. Планетарный уровень глобальной экономики обнаружил немалую сопротивляемость процессам сегментации и фрагментации. Даже в нынешние нелегкие времена он проявляет себя как живой, динамичный, сильный организм. Наглядный пример: ограниченность масштабов американо-китайского развода (*decoupling*).

В.Б. Выделение трех уровней в международной системе кажется мне весьма уместным. Причем не только применительно к ее экономическому компоненту, но и в более широком плане. Если перечислять эти уровни в ином порядке, по восходящей, то получается такая картина. (1) Региональный уровень (или макрорегиональный, как Вы предлагаете – насколько я понимаю, чтобы очертить отличие от понятия “регион” применительно ко внутристрановому контексту). Здесь обнаруживаются такие уже давно устоявшиеся структуры, как, например, ЕС, АСЕАН или, скажем, ОАГ

(Организация американских государств). (2) Трансрегиональный уровень – для обозначения более широкого пространственного контекста взаимоотношений, существующих или только еще намечаемых между крупными региональными констелляциями – такими как Форум Азия-Европа (АСЕМ), Трансатлантическое торговое и инвестиционное партнерство (ТТИП), Транстихоокеанское партнерство (ТТП), Экономический пояс шелкового пути (ЭПШП). (3) Глобальный (общепланетарный) уровень – применительно к соответствующим этому масштабу действиям ведущих государств, крупных транснациональных финансово-экономических структур, а также ООН (и, возможно, некоторых иных международных организаций).

Как соотносится с указанными тремя уровнями обсуждаемый нами вопрос о глобальном конфликте – тема для отдельного серьезного разговора. Хотелось бы обратить внимание на сформулированный тезис принципиальной значимости: вопреки возможным ожиданиям, на общепланетарном уровне обнаружилась высокая мера резистентности процессам сегментации и фрагментации. Это – весьма примечательный аргумент, противостоящий популярным рассуждениям о кризисе глобализации.

В.К. Несомненно, что после мирового финансово-экономического кризиса 2007 – 2009 годов явственно обозначилась тенденция деглобализации мировой экономики. Но столь же очевидно и упорное противодействие развитию и углублению этой тенденции. По-видимому, на пути деглобализации обнаружились труднопреодолимые препятствия и ограничители. В качестве возможных препон назовем: 1) субъектность глобальной экономики; 2) глобальные элиты (партия Давоса); 3) глобальные институты; 4) сложившиеся практики глобальных взаимодействий (системы поставок, производственные цепочки, научно-техническая кооперация).

Современный глобальный мир при всем его несовершенстве может привести немало аргументов в свое оправдание. Прежде всего это экономическая целесообразность, ведь смысл глобализации в том и заключается, чтобы люди жили лучше. И действительно, за четыре последние десятилетия сильно выросли общий уровень благосостояния и средняя продолжительность человеческой жизни на планете Земля. Не менее весомы соображения политической рациональности. Многие понимают, что прежний мир самодостаточных национальных государств – опасный анахронизм. Немалое значение имеют человеческие связи на уровне корней травы, ведь благодаря интернету мы живем в глобальной деревне с беспрецедентными возможностями общения и сотрудничества. Последние в порядке перечисления, но ставшие первыми по значимости – императивы безопасности. В условиях

глобального конфликта жизненно важно сохранять разнообразные каналы коммуникаций, возможность оперативно реагировать на новые угрозы.

Чем завершится нынешний, наиболее опасный кризис глобального мира после окончания холодной войны? Здесь открывается широкое поле для догадок, предположений, интерпретаций. Сегодня мы в острой фазе глобального кризиса, ход событий может принять любой оборот. Серьезные аналитики сильно расходятся в оценке перспектив разрешения российско-украинского военного конфликта; предсказать исход кризиса миропорядка намного труднее. Мы можем только строить те или иные сценарии и пытаться оценить степень их вероятности.

В самом общем виде наиболее вероятным мне представляется следующее. Глобализация продолжится, но это будет другая глобализация, принципиально отличная от глобализации-1 (XIX в.), глобализации-2 (вторая половина XX в.), глобализации-3 (конец XX – начало XXI в.). Ее своеобразие будет определяться таким системными характеристиками, как 1) более медленная, но более основательная; 2) наряду с экономическими будут активно задействованы геополитические, военно-стратегические, культурно-ценностные факторы; 3) полицивилизационный характер; 4) усложнение структуры мотивации политической, хозяйственной, духовной деятельности. Наверняка этот список можно существенно расширить.

В.Б. Мой тезис касательно глобализации прост: речь идет о формировании социума как целостности на общепланетарном уровне. Процесс этот может временами идти трудно, замедляться, приостанавливаться и даже иногда переключаться на реверс – но в целом его повышательная динамика прослеживается весьма отчетливо.

Его могут пытаться использовать в политических целях – например, продвигая на волне глобализации нормы, институты, поведенческие практики однополярности. Но отождествлять одно с другим, как это иногда делается, нет причин.

Глобализация – процесс объективный. Он идет не потому, что этого кто-то хочет. И может временами замедляться по разным причинам, но не потому, что кому-то он не нравится. Формы, темп, сферы и иные его характеристики могут (и, вероятно, будут) меняться. Что, конечно же, скажется на характере конфликтов в международной системе – и того глобального конфликта, который мы обсуждаем.

В какой мере это свидетельствует о кризисе миропорядка – вопрос особый. Он, не сомневаюсь, заслуживает самого пристального внимания.

В.К. Другими словами, исторически сменяющие друг друга модели организации глобального мира становятся все более объемными и сложными, увеличивается число значимых игроков, трансформируется сама шахматная доска мировой политики. Именно поэтому в сегодняшнем анализе мировой динамики очень важно брать процессы глобализации-деглобализации (в сущности, это единый процесс) во всей их исторической полноте и многомерности. Это поможет нащупать трудноуловимую динамику происходящего.

В. Г. Барановский,
академик РАН, профессор МГИМО МИД России,
член Дирекции ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН
В.Б. Кувалдин,
доктор исторических наук, профессор,
зав. кафедрой Московской школы экономики МГУ им. М.В. Ломоносова